

Забытые имена: Ибн Хальдун – человек, описавший законы экономики за 400 лет до Адама Смита

Александр Иванов, историк экономики, рассказывает о человеке, имя которого мало кому известно и сейчас, и даже при его жизни. А ведь он еще в XIV веке предположил, что рынок сам по себе является отличным регулятором, а возможность заработать - отличным стимулом для развития экономики, а главной задачей государства почитал истребление монополии во всех сферах жизни.

Мир, в который пришел Ибн Хальдун

В далеком 1332 году в Тунисе, в семье выходцев из Андалусии, родился мальчик с простым именем Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Хальдун аль-Хадрами аль-Ашбили.

Мальчику суждено будет прожить долгую, по меркам своего времени, жизнь (74 года) и стать свидетелем заката великой эпохи, давшей миру Аль-Бируни и Ибн Сину, Фирдоуси и Аль Джазири и сотни других гениев.

«Культурное топливо», бережно хранимое арабами и персами (в отличие от европейцев) наследие эллинизма, заканчивалось.

Непрестанные войны, ведущиеся с диким ожесточением и немыслимым, прямо-таки животным, кровопролитием, последовательное опустошение территорий исламского мира монголами, турками, Тамерланом, междоусобицами, страшнейшие, повторяющиеся многократно, эпидемии «черной смерти», уполовинившие население арабского мира, серия неурожаяев и засух в Магрибе и Азии, постоянные восстания крестьян-феллахов - все это никак не способствовало распространению просвещения, знаний и культуры.

Наоборот, как это всегда случается во времена больших потрясений, которые не способен охватить разумом человек, вопрошающий – «за что?» - и не способный найти ответ - наоборот, знания повсеместно признаются источником бед, религия заполняет собой культурное пространство, и призыв следовать нормам Корана, внедряемым все жестче и жестче, находил повсеместный отклик, во всяком случае, он был услышан.

Например, во времена Омара Хайяма, который немало строк посвятил вину, его питье не одобрялось окружающими, но к нему относились «с пониманием» - как, например, относились «с пониманием» к алкоголизму талантливого инженера в советские времена - употребление вина, скорее, означало легкую фронтину по отношению к режиму, некое вольнодумство, но не преступление - а употребление вина в XIV веке уже почти повсеместно наказывалось смертью.

К вольнодумству вскоре тоже стали относиться как к вину - единственным очевидно достойным ученого занятием стало изучение и толкование наследия Мухаммеда, а тайны природы, к изучению которых так благоволил ислам (Коран содержал прямые призывы к познанию непознанного, что выгодно отличало его от всех мировых религий) становились занятием предосудительным.

Ислам уже не распространялся в мире легко и победительно, его приходилось навязывать мечом, но могучие силы, которые несли его идеи с непоколебимой убежденностью, тоже были на исходе - эпоха великих пророков и полководцев истончалась вместе в эпохой великих ученых и поэтов.

Последний из великих воинов ислама, половец, египетский султан Бейбарс, единственный, сумевший остановить нашествие монгольского ильхана Хулагу и нанеший чувствительные поражения крестоносцам, расширять границы уже не мог, ресурсы - людские и моральные - заканчивались.

Повсеместно к власти приходили тираны.

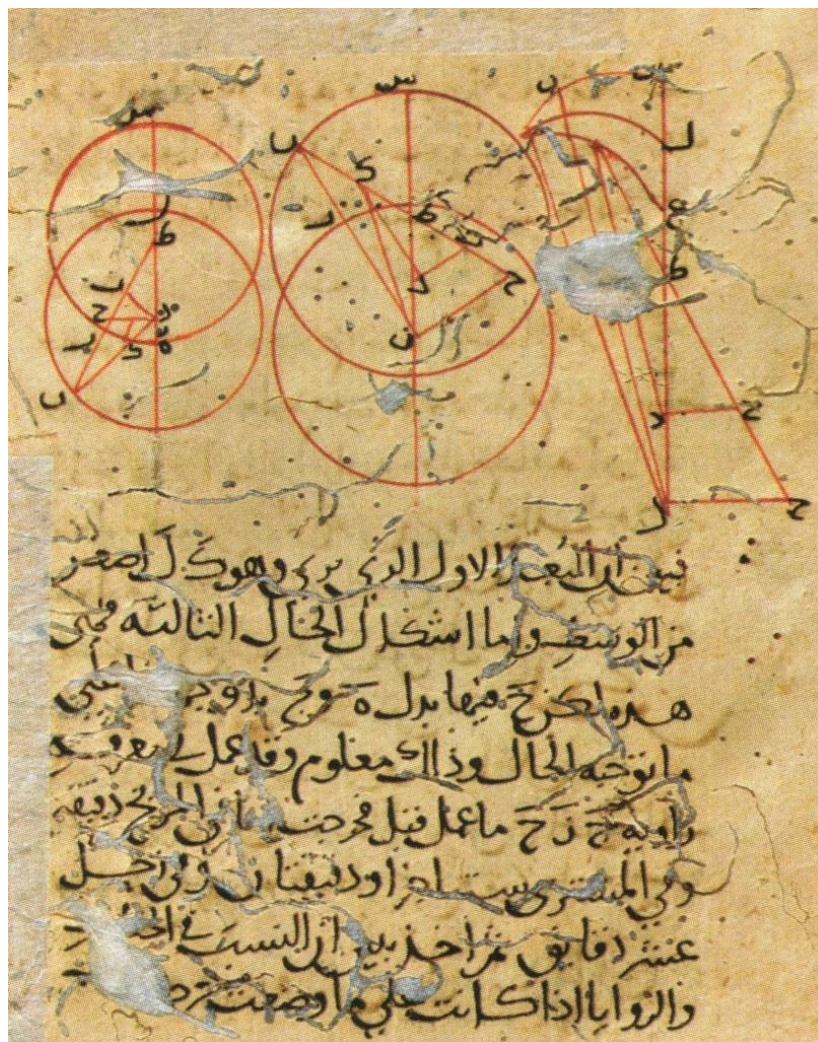
А что же наш мальчик, с рождения которого мы начали этот рассказ?

Последний гений: «асиайя» и «Мукаддима»

А мальчик вырос и стал ученым, известным как ибн Хальдун, которого часто называют последним из плеяды гениев арабского мира. А еще - отцом истории и первым в мире

экономистом.

Ибн Хальдун, человек необычайно пытливого ума, оказался, кажется, первым историком, который описывал историю не как «деяния пророков и царей», а как изменения социальных институтов, коммуникаций, структур потребления, стимулов для развития «простого человека», справедливо полагая, что труд крестьянина, ремесленника и купца лежит в основе благоденствия.

В объяснении природы возникновения человеческих мотиваций он нашел термин «асиаййа», близкий к гумилевской «пассионарности», иначе обозначаемой как «коллективная ответственность» или «соседская солидарность».

Идею соседской солидарности, кстати, ибн Хальдун втолковывал Тамерлану, будучи главой посольства египетского султана на переговорах у стен осажденного Дамаска. Неграмотный разбойник нашел много мудрого в его словах, во всяком случае, послы вернулись в Каир не просто живыми, на что мало кто рассчитывал, но их еще и «проводили с почетом и подарками».

Дамаск Тамерлан, однако, разорил и уничтожил, а жителей вырезал - современники описывают пирамиды из 80 тысяч отрубленных голов.

Асиаййа, по ибн Хальдуну, не являлась качеством, постоянно присущим нациям - он различал ее стадии и описывал причины ее истончения.

По его мнению, после прихода к власти знати, источники богатства, или ренты,

распределяются между членами клана. Неизбежно наступает период престижного потребления, в котором низшие члены властной пирамиды ориентируются на высших, пытаясь приблизиться к уровню потребления последних.

Ресурсы, богатства, имеют ограниченные запасы, но при этом количество приближенных к элите, участников престижного потребления, не уменьшается, а возрастает.

Одновременно верховный правитель (султан) пытается избавиться от всех тех, кто помнит его равным себе, начинается замена носителей «асиайи» на чиновников, чьей целью являются не идеологические мотивы, а исключительно достижение материальных благ в обмен на ревностную службу.

То же происходит на всех «этажах» - так же подвластные султану (эмиры) меняют своих вассалов, перераспределяя блага в пользу новых подчиненных обмен на их службу.

Количество подчиненных - тоже своего рода элемент престижа, более того, чем дольше живет система власти, тем больше она обрастает приспешниками, и там больше растут аппетиты власти в целом при по-прежнему конечном количестве ресурсов.

Недостающие ресурсы пробуют взыскать, вводя новые и новые налоги и поборы и придумывая новых, весьма сомнительные для окружающих, механизмы распределения благ, но, по мере их введения, это вызывает все большее и большее возмущение подданных при определенном равнодушии новых приспешников.

Могущество власти падает.

Власть пытается удержаться следующими способами:

- начинает монументальное строительство («правитель расходует свою энергию на <...> строительство монументальных сооружений, гигантских строений, больших городов, и высоких построек»);
- пытается повысить дипломатический престиж страны («дары благородным посольствам из других держав и племен»);
- одаривает наиболее рьяных приспешников;
- демонстрирует силу и благоденствие, тратя огромные средства на выплаты воинам и увеличивая их число;

Вывод, который делает ибн Хальдун, крайне полезен нашему современнику:

«Правящий класс, достигший полной монополии власти, с течением времени разрастается и увеличивает свои потребности, что снижает его способность адекватно реагировать на истощение общественных ресурсов, упадок хозяйственной активности, обнищание и деградацию населения, утрату могущества. В этих условиях попытки демонстрации мощи и благоденствия перед внешними соперниками и своим населением, подкуп приспешников могут отсрочить, но не могут предотвратить крах режима и смену власти».

Эта теория ибн Хальдуна была, судя по всему, хорошо известна черкесским мамлюкам, правителям Египта, где в ту пору, на весьма заметной должности верховного кади (судьи) трудился ибн Хальдун.

Итог? Никаких итогов...

Были ли из этого знания сделаны какие-то выводы? Нет, конечно. Наверное - никаких выводов правители и не могли сделать, хотя ибн Хальдун предлагал целый список потенциальных реформ, как социального, так и экономического характера.

Как экономист, он за 400 лет до Адама Смита предположил, что рынок сам по себе является отличным регулятором, а возможность заработать - отличным стимулом для развития экономики, а главной задачей государства почитал истребление монополии во всех сферах жизни.

Участие государства в делах предпринимательства он считал чрезвычайно вредным, и категорическим вредом считал любую меру, что могла бы препятствовать развитию производства и торговли.

Ибн Хальдун настаивал (наживая себе немало число врагов) на массовом сокращении войска и чиновников.

Для памяти - добавим так же, что именно ибн Хальдун впервые предсказал (задолго до известной нам «кривой Лафферта»), что повышение налогов неизбежно ведет к снижению поступлений в казну.

Социальные и экономические воззрения ибн Хальдуна не получили известности при его жизни.

Более того - арабский мир вскоре погрузился во тьму, и имя его было надолго забыто. Собственно, науку «экономика» Адам Смит создавал с чистого листа, открывая заново (в совершенно иных экономических реалиях) все то, что было многие столетия назад описано ибн Хальдуном.

Во второй половине XIX века французы заново «открыли миру» его великий труд «Мукаддима», который сейчас переведен на множество языков, в том числе частично - на русский.

Автор: *Александр Иванов*